

К ПРОБЛЕМЕ СИНТАКСИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ В ГРАММАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Н.В. Патроева

Существование всякой грамматической категории обуславливается тесной, неразрывной связью ее смысла и всех ее формальных признаков.

Л.В. Щерба. О частях речи в русском языке

Аннотация. Обобщен опыт анализа проблемы синтаксических категорий. Автор предлагает собственную версию перечня синтаксических категорий уровня предложения, считая необходимым включить в него выделенную еще В.В. Виноградовым категорию полупредикативности. При этом границы полупредикативности понимаются гораздо шире в связи с проблемой типологизации и описания истории формирования осложняющих конструкций в синтаксисе русского языка.

Ключевые слова: синтаксическая категория; семантические и коммуникативные категории; полупредикативность; субъективная модальность.

Вопрос о сущности и типологии синтаксических категорий до сих пор является «камнем преткновения» современной грамматической теории. Между тем достаточно подробно в отечественном и зарубежном языкознании разработано учение о морфологических категориях как совокупности рядов грамматических форм, противопоставленных друг другу на основании какого-либо грамматического значения (рода, числа, падежа, времени, наклонения, лица и т.д.). Правда, и в этой области исследований многое пока остается дискуссионным и получает неоднозначное истолкование: например, вопрос о границах между категориями словоизменяемыми, противопоставляющими формы в парадигме одной знаменательной лексемы, и несловоизменяемыми (классифицирующими, словообразовательными, лексико-грамматическими), вбирающими в себя морфологические оппозиции разных по своему лексическому значению слов.

Тесно связанные друг с другом морфологические категории представляют собой ядро грамматического строя, обуславливая сам тип языка. Так как грамматику составляют два обнаруживающих тенденцию к взаимопроникновению уровня, синтаксические единицы должны быть описаны аналогичным морфологической системе образом, т.е. с категориально-типологической точки зрения.

В научной литературе высказывалось мнение, что морфологические и синтаксические категории следует разграничивать прежде всего со структурной точки зрения: «В то время как первые из них выражены

в пределах слова (аффиксы, аблаут, редупликация), обозначение вторых выходит за рамки отдельного слова (порядок, вспомогательные слова и частицы, интонация...). Недифференцированность названных двух классов грамматических категорий приводит к игнорированию структурных особенностей различных языков, к их искусственной унификации» [1. С. 48]. Следовательно, основополагающим при поиске и классификации синтаксических категорий в системе того или иного языка должен быть собственно грамматический (структурный) подход, поскольку традиционная типология языков зиждется прежде всего на морфологическом (формальном, структурном) критерии.

Средством выражения абстрактного синтаксического значения может служить так называемая синтаксическая парадигма (например, модально-временная парадигма предложения, впервые специально и подробно описанная в работах Н.Ю. Шведовой и академических грамматиках русского языка 1970 и 1980 гг.). Однако В.Н. Ярцева верно заметила, что «подвижность синтаксических конструкций и, в особенности, возможность их соотносительных трансформаций делают вопрос о смысловом статусе грамматических категорий в синтаксисе весьма сложным» [2. С. 5]. Важно учитывать и то обстоятельство, что нельзя сводить синтаксическую деривацию к морфологической, т.е. формоизменение предложения к формопроизводству глагола, а синтаксическое наклонение и время – к соответствующим морфологическим категориям. Сужение грамматической категории до пределов морфологической парадигмы «не только затрудняет типологическое сопоставление языков различной морфологической структуры, но и для одного языка порождает сомнения в возможности объединять для одной категории синтетические и аналитические формы ее передачи» [2. С. 5]. Кроме того, по мере развития языка изначально существовавший параллелизм категорий морфологии и синтаксиса постепенно разрушается, обогащается функциональный потенциал словоформ, увеличивается асимметрия смысловой и формальной сторон языковых знаков при углублении противоположных по своей сути процессов внутриграмматической дифференциации и интеграции. Так, «сказуемость» [3. С. 165–182], например, в ходе языковой эволюции перестает быть свойством личных глагольных форм и становится также принадлежностью имен и предикативов.

Т.П. Ломтев считал необходимым рассматривать синтаксические категории по аналогии с морфологическими, не отождествляя их при этом: «Грамматические категории предложения должны обладать теми свойствами, какими обладают грамматические категории слова. <...> Членами грамматических категорий слова являются грамматические формы соответствующих слов, членами грамматической категории предложения являются предложения, выделенные по характеру их моделей»

[4. С. 60]. Принципиальное значение при этом ученый придавал вопросу о составе синтаксических категорий и предлагал следующий их перечень:

- 1) утвердительность – отрицательность;
- 2) вид общения: повествовательные, вопросительные, побудительные предложения;
- 3) время;
- 4) модальность;
- 6) определенность, неопределенность, обобщенность и формальность предмета;
- 7) конвертируемость;
- 8) активность – демиактивность и т.д. [4. С. 62].

Данный перечень, как кажется, вполне удовлетворяет таким анализируемым во многих лингвистических трудах облигаторным признакам грамматических категорий, как обязательность присутствия некоего морфологического или синтаксического значения в любом элементе некоторого класса и регулярность, стандартность способа выражения этого грамматического смысла. Действительно, и целеустановка, и модально-временная семантика предложения, и активность / пассивность конструкции, и утвердительность / отрицательность высказывания, определенность / неопределенность, степень обобщенности актанта имеют в системе языка специфические формальные средства своей экспликации, что доказывает грамматический характер выделенных Т.П. Ломтевым категорий. Не вызывает сомнения и то, что представленный им перечень следует считать открытым для возможного пополнения, но определение границ этого списка как раз и представляет собой сложнейшую и насущную лингвистическую проблему.

Категория (в широком понимании термина) – «любая группа языковых элементов, выделяемая на основании какого-либо общего свойства» [5. С. 216]. Если придерживаться подобного толкования, то в области морфологии термин «категория» оказывается тождественным, например, понятию «часть речи» («категория состояния» в классическом труде Л.В. Щербы и т.п.), а в сфере синтаксиса категориальным статусом по аналогии должно быть наделено понятие «члены предложения». Ряд «категорий главных и второстепенных членов предложения» может быть дополнен такими рубриками, как «категория обособления», «однородности», «вводности», «обращения». Категориальный статус (как у группы наделенных общим свойством моно- или полипредикативности языковых элементов) в этом смысле обнаруживается и у основных синтаксических единиц – простого и сложного предложений. Однако при таком широком толковании границ термина, «грамматическая категория» по своему логическому объему совпадает с наиболее общими понятиями

морфологии и синтаксиса, что размывает сами границы категориальной подсистемы внутри понятийного лингвистического аппарата.

Некоторые языковеды предлагают рассматривать сочинение, подчинение и предикацию в качестве «структурно-синтаксических категорий» уровня словосочетания и предложения, подводя под эту рубрику различные виды синтаксических отношений, находящих свое выражение в тех или иных языковых структурах [6. С. 12]. В современной синтаксической семантике используется термин «семантико-синтаксические категории» [6. С. 11–12] в отношении разнообразных функций («ролей») компонентов семантической структуры предложения, например актанта (агенса, пациенса и др.), предиката, атрибута, сирконстанта. В качестве «категорий предложения как коммуникативной единицы» фигурируют также «тема» и «рема» [7. С. 11].

Если определять синтаксическую категорию (по аналогии с морфологической) как «систему противопоставленных друг другу рядов синтаксических единиц с грамматическими (синтаксическими) значениями, объединяющимися в единое, общее значение» [7. С. 11], то основополагающим фактором при анализе синтаксических феноменов с категориально-типологической точки зрения следует считать наличие в синтаксическом строе какого-либо языка дву- или многочленной оппозиции некоторых синтаксических форм. Соблюдение подобного требования необходимо влечет за собой элиминацию из списка грамматических категорий таких понятий, как «предложение (простое и сложное)», «члены предложения» (синтаксем), «сочинение», «подчинение», «предикация», поскольку сами по себе, в отвлечении от того или иного формирующего парадигматическую оппозицию грамматического смысла, синтаксические единицы, их части и отношения (типы связей) не составляют противопоставленные ряды форм. Иное дело – понятия «предикативности», «синтаксического наклонения», «синтаксического времени», «синтаксического лица», утвердительности / отрицательности, активности / пассивности, целеустановки и т.д., наделенные тем самым обобщенным синтаксическим значением, которым в системе языка обладают целые группы противопоставленных друг другу форм, входящих в качестве составной части в так называемые функционально-синтаксические поля модальности, темпоральности, залоговости, персональности и др.

Семантико-синтаксические категории субъекта, объекта, предикативного признака, атрибута, сирконстанта также участвуют в формировании синтаксем, выражающих в грамматической системе данного языка соответствующую семантику, однако эти ряды представляют собой не парадигмы синтаксических форм (конструкций), а словоформы (синтаксем), используемые в соответствующих «семантических ролях» и синтаксических функциях (например, формы именительного, датель-

ного, родительного и творительного падежей с субъектным значением; личные глагольные, адъективные и причастные словоформы в предикативной функции и т.д.). В силу этого статус «синтаксических» (в строгом смысле) категорий за компонентами семантической структуры предложения закреплен быть не может.

Особую проблему представляет выделение в качестве синтаксических категорий таких грамматических феноменов, как «полупредикативность» и «субъективная модальность». Перечисленные явления связаны с осложнением элементарной модели предложения структурно факультативными средствами смысловой «компрессии», превращающими формально монопредикативную единицу в семантически и коммуникативно полипредикативную (полипропозициональную, полимодальную, полирематическую).

Описанная впервые еще В.В. Виноградовым категория «полупредикативности» [8. С. 269; 9. С. 280] формируется в языке рядами обособленных компонентов – оборотов, наделенных модально-таксисной (временные координаты одной ситуации по отношению к другому «положению дел») семантикой, но, по сложившейся традиции, уподобляемых обычным определениям, приложениям и обстоятельствам. Между тем интонационная выделенность подобных образований в структуре предложения (впервые специально анализируемая в «Русском синтаксисе в научном освещении» А.М. Пешковского) сигнализирует о подчеркнутости смысловой, в соответствии с интенцией адресанта речи, и превращении однолинейной синтаксической цепочки главных и второстепенных компонентов в неоднородную иерархию основной и добавочной (свернутой, зависимой, латентной, скрытой, имплицитной, вторичной и т.д.) предикации.

Приведем одну иллюстрацию: *...дерзостный восстал Иван-великой, На голове золотой носящий крест...* (Пушкин). Здесь на первом уровне структурной организации категорию предикативности выражают члены грамматического центра (с грамматическими значениями индикатива настоящего времени и 3-го синтаксического лица), и эта предикативная семантика взаимодействует с реальным перфектным смыслом носителя вторичной предикации (с таксисным значением предшествующего действия, результат которого релевантен для настоящего неактуального времени основного предиката) – стержневого компонента обособленного причастного оборота. Ядерную зону в системе средств представления в русском языке категории полупредикативности, очевидно, составляют причастные и деепричастные синтагмы, поскольку партиципальные словоформы обладают глагольными морфологическими категориями, ярко подчеркивающими вторично-предикативное значение конструкции в целом. Однако возможность преобразования (при искусственном развертывании фразы) субстантивных и адъективных обособленных групп в синтаксические ана-

логи – части сложного предложения – свидетельствует о присутствии синтаксического модально-временного смысла и в именных оборотах:

...но лъзя ль не заблуждаться Нам, слабым смертным, в сем пути... (Державин) / * *Но лъзя ль не заблуждаться нам в сем пути, поскольку мы – слабые смертные.*

Оппозиция рядов именных и глагольных рядов обособленных оборотов может формироваться на основе модально-темпоральных (таксисных) частных значений в рамках общей семантики полупредикативности.

Полупредикативность как синтаксическая категория с точки зрения содержательного плана представляет собой синтез двух различных типов грамматических отношений – определительного и предикативного, но не сводится при этом ни к тому, ни к другому, поскольку, в отличие от собственно предикативности, не выражается личной формой глагола-сказуемого и не способна формировать самостоятельное предложение, но, уже в отличие от обычного атрибута, проявляется только на уровне предикативной единицы, а не словосочетания и требует интонационного расчленения, выделения осложнителя модели в паузой (а также порядком слов, служебными лексемами) и по смыслу актуализированную синтагму – средство языковой компрессии.

Что касается границ сферы полупредикативности, думается, эту категорию следует рассматривать как важнейшую характеристику всех типов осложнителей, не распространяя данное понятие на главные и второстепенные компоненты предложения (например, на девербативы в роли организаторов или распространителей грамматического центра предложения или на объектный, атрибутивный или обстоятельный инфинитив как номинации второй пропозиции), но и не сводя исключительно к явлению обособления причастий, деепричастий и имен. Полупредикативный элемент, приводящий к интенционально заданному нарушению предсказуемости в развертывании высказывания на фоне нормативно ожидаемых компонентов модели, уже сам по себе выдвигает фигуру говорящего, отбирающего и разграничивающего побочные предикации, а потому «имплицитно задает позицию субъекта (агента) деятельности» [10. С. 21] и субъекта сознания, но также и обнаруживает фигуру адресата речи, для которого осуществляется процесс выдвижения текстовых элементов как речевое намерение адресанта. В этом отношении функционально близкими к обособлению оказываются явления присоединения, пояснения, вводности, парантезы, обращения, сегментации. Перечисленные синтаксические феномены представляется возможным объединить под эгидой единой функционально-синтаксической категории акцентирования, позволяющей также осуществить выход за пределы высказывания в текстовое пространство языка.

В связи с анализом категории полупредикативности встает вопрос о ее соотношении с категорией субъективной модальности, впервые подробно описанной в «Русской грамматике» 1980 г. Субъективная оценка говорящим собственного высказывания находит выражение прежде всего в разнообразных с точки зрения частных синтаксических значений (в рамках общего для них персуазивно-модального смысла) группах (рядах) вводных конструкций, а также некоторых самостоятельных построениях с инверсией и фразеологизированной структурной схемой. При этом по происхождению подавляющее большинство вводных компонентов – главные части бывших сложноподчиненных предложений, утратившие свою союзно-выраженную связь с придаточными (*Возможно, что мы встретимся / Возможно, мы встретимся*).

Таким образом, исторически «модус» (в терминах Ш. Балли) предложения оказывается тесно связанным с предикативностью, которая не исчезает полностью, а как бы «просвечивает» в качестве грамматической «внутренней формы» сквозь субъективно-модальное значение усложнителя модели, демонстрирующего, как и полупредикативные конструкции, явление свертывания (компрессии) грамматического аналога.

Выход современной лингвистики за пределы предложения в область дискурса как связного целого неизбежно ставит перед языковедами задачу исследования текстовых грамматических категорий. Так, в работах В.Г. Гака [11] деление грамматических категорий предложения («коммуникативных», «модусных», в терминах автора) осуществляется в зависимости от их ориентации на говорящего или собеседника. Категории, связанные с фигурой субъекта речи, – это истинность (утвердительность / отрицательность), модальность, лицо, дейксис (временная и пространственная локализация), эмотивность (восклицательность). Категории, ориентированные на адресата, – это целенаправленность (повествование, вопрос, побуждение, пожелание), информативность (актуальное членение), речевая ситуативность (модификации предложения, связанные с той или иной функциональной сферой литературного языка) [11. С. 58–59]. Такое расширение списка синтаксических категорий представляется вполне оправданным и даже необходимым именно при переходе от рассмотрения отдельного высказывания на уровень грамматики текста, анализируемого как результат деятельности участников коммуникации.

Перечень собственно синтаксических категорий предложения, носящих структурно-парадигматический характер (т.е. получающих в системе языка формальное воплощение в виде рядов конструкций, противопоставленных по какому-либо синтаксическому значению), на наш взгляд, можно представить в виде следующего списка:

- категория предикативности (с подкатегориями синтаксического наклонения, синтаксического времени и синтаксического лица);
- категория целеустановки (с подкатегориями повествовательности, побудительности и вопросительности);
- категория эмоциональности (восклицательности / невосклицательности);
- категория модальности (утвердительности / отрицательности);
- категория конвертируемости (активности / пассивности);
- категория полупредикативности (зависимого таксиса);
- категория субъективной оценки (субъективной модальности).

Собственно синтаксические категории, в отличие от семантико-синтаксических и коммуникативно-синтаксических универсальных категорий, позволяют представить в рамках учения об общем синтаксисе структурную типологию языков мира. Синтаксические категории находятся в тесном взаимодействии с семантическими (субъекта, предиката, объекта и т.д.) и функционально-коммуникативными (темы, ремы, акцентности и др.) категориями. Дальнейшая задача описательного и объяснительного синтаксиса русского языка – комплексный анализ подобного категориального взаимодействия с выходом на общую теорию текста.

Система синтаксических категорий современного русского языка нуждается в дальнейшем исследовании, в том числе с точки зрения сравнительно-типологического и диахронического аспектов анализа. «Проверка» синтаксических категорий на предмет их универсальности и средств выражения в языках разных грамматических типов, изучение этапов формирования той или иной категории в связи с процессом культурно-исторического становления того или иного этноса – задачи ближайшей и более отдаленной перспективы развития лингвистической мысли. Пока же с сожалением приходится констатировать ослабление степени «грамматичности» и, напротив, усиление культурологичности, логицизма и прагматической направленности в современных синтаксических штудиях, отказ от традиционного для русского языкознания внимания к иерархии единиц и категорий грамматики, от рассмотрения их в единстве формы и значения, в рамках исторически сложившейся динамической системы.

Литература

1. *Шарадзенидзе Т.С.* Грамматические категории и морфологические типы языков // Типология грамматических категорий: Мещаниновские чтения. М., 1975.
2. *Ярцева В.Н.* Иерархия грамматических категорий и типологическая характеристика языков // Типология грамматических категорий: Мещаниновские чтения. М., 1975.

3. *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 2001.
4. *Ломтев Т.П.* Предложение и его грамматические категории. М., 1972.
5. *Лингвистический* энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. М., 1990.
6. *Москальская О.Г.* Проблемы системного описания синтаксиса. М., 1981.
7. *Русская* грамматика / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1980. Т. 2.
8. *Виноградов В.В.* Русский язык: Грамматическое учение о слове. М., 1947.
9. *Виноградов В.В.* Основные вопросы синтаксиса предложения // В.В. Виноградов. Избранные труды: Исследования по русской грамматике. М., 1975.
10. *Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. М., 2005.
11. *Гак В.В.* Теоретическая грамматика французского языка. М., 1986. Т. 2.

ON THE PROBLEM OF SYNTACTIC CATEGORIES IN THE GRAMMATICAL SYSTEM OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Patroeva N.V.

Summary. Cumulative experience of the synthetic categories' problem analysis is generalized. The author's version of the synthetic categories' catalogue including of the half-predicativeness category, earlier distinguished by V.V. Vinogradoph, is suggested. The borders of half-predicativeness are understood much wider due to classification problem and history description of the complex structures' development in the syntax of the Russian language.

Key words: syntactic category; semantic and communicative categories; half-predicativeness; subjective modality.